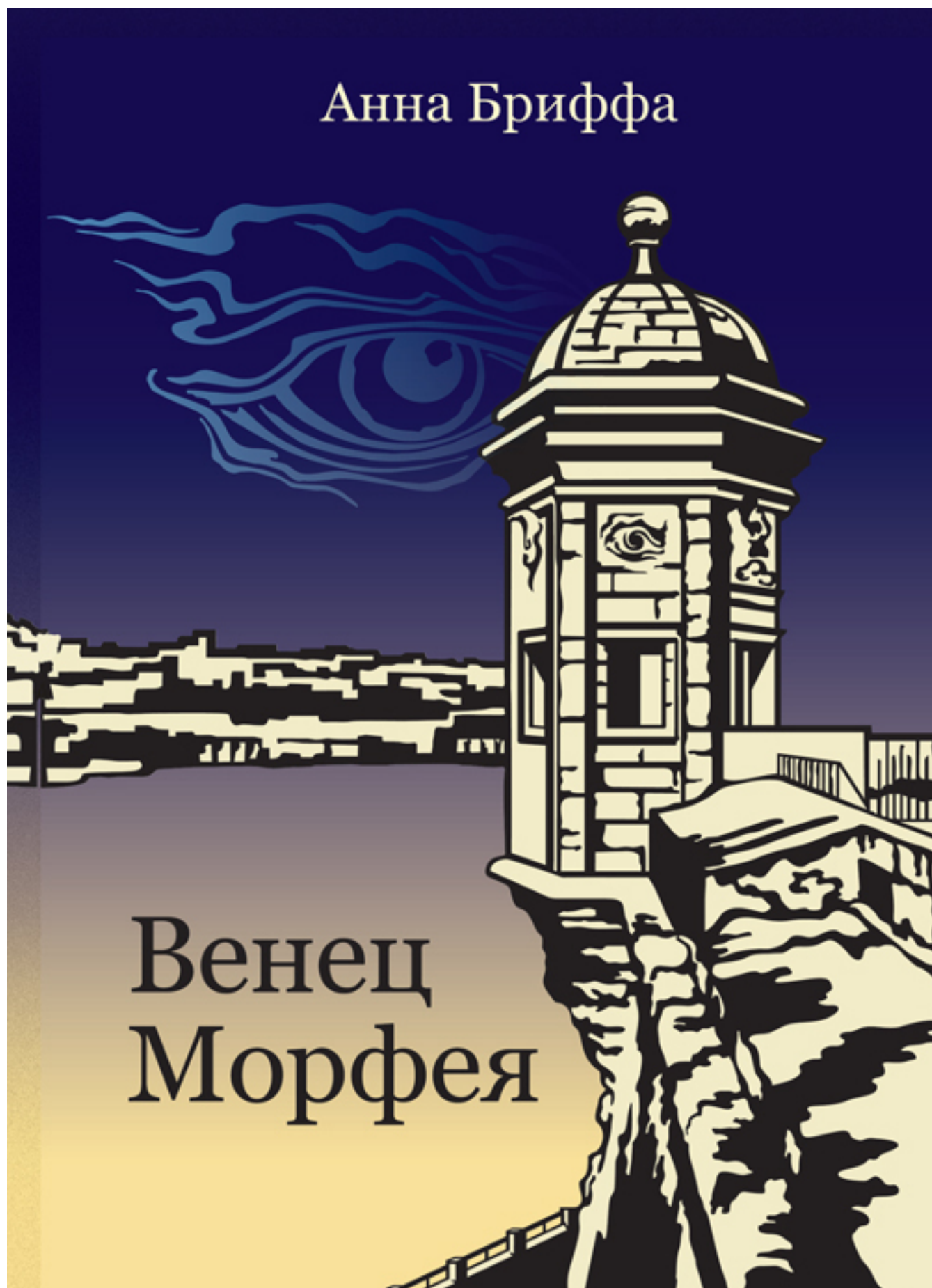

Анна Бриффа

Венец
Морфея

Анна Бриффа
Венец Морфея

«Э.РА»

2026

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Бриффа А.

Венец Морфея / А. Бриффа — «Э.РА», 2026

ISBN 978-5-907291-92-8

Новая книга мальтийской писательницы Анны Бриффа для тех читателей, которые верят в многомерность миров, предначертанность событий и тайные смыслы всего происходящего. Основана на сновидениях и сакральном опыте реальных людей.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-907291-92-8

© Бриффа А., 2026
© Э.РА, 2026

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Бриффа
Венец Морфей
Основано на сновидениях и
сакральном опыте реальных людей

© Нежданова А.

Часть первая

Мне приснился Курт Кобейн

Чудо – свобода Бога
(Гилберт Кит Честертон)

Это случается нечасто. Скорее редко. Возможно, никогда. Вы просто пребываете в пространстве и времени, созерцаете обыденный привычный пейзаж, размеренно вдыхаете и выдыхаете, позволяете мыслям плавно течь и плавиться в атмосфере лени и беззаботности, и однажды вдруг синхронизируетесь с ритмом вселенной.

Отчетливое воспоминание: мне было лет пятнадцать, лето мы проводили в бабушкином доме. Я сидела, поджав ноги, на перилах деревянной веранды и смотрела на сливовые деревья в саду. Обычный день, ничего примечательного. Ощущение нахлынуло совершенно внезапно. Состояние абсолютного, чистого, «дистиллированного» счастья, нирвана, когда весь мир вокруг блещет красками, принимает и обнимает тебя, мгновение, что называют райским блаженством, будто ангел уложил тебя на перину и укрыл белоснежным крылом, а может Он сам наклонился и провел ладонью по твоим волосам. Представьте, что все шумы вокруг исчезли, и слышится лишь невероятной красоты мелодия, из тех, от которых дрожат колени и вибрирует диафрагма, пелена забвения окутывает мозг и обволакивает тело. Мелодия звучит и звучит. А на губах появляется привкус вечности. Это длится несколько долгих минут, настолько ярких, что они запечатлеваются в памяти на всю жизнь, а затем волна откатывает так же внезапно, как и накатила.

После мне никогда не удавалось испытать ничего подобного. Я впитывала жизнь ненасытно, не приглушая тонов и не растущёвывая красок. Я бывала на вершине успеха, я влюблялась и была любима, я была горда успехами моих детей, я наслаждалась мудростью книг и встречами с друзьями, проливали слёзы над прекраснейшими созданиями рук человеческих, замирала от восторга, наблюдая дикий мир саванны и внимая крикам экзотических птиц в джунглях, погружалась в океан – невероятный, фантастический мир, но никогда, никогда больше не испытала этого момента божественного откровения.

Теперь я знаю, счастье не зависит от обстоятельств и нет для него причины. Так и живешь – гоняешься за ним, как кошка за солнечным зайчиком. А оно, как солнечный луч на закате, тает прямо у тебя в руках.

И, да, это был не сон.

– Ма-а-ам! Смотри какие мышцы я уже накачал! Если тренироваться хотя бы раз в неделю, я скоро буду как настоящий спортсмен. И у меня хорошо получается грести. Как же здорово, что мы купили эту лодку!

Ренни был по-настоящему счастлив. Этот подарок – то, чего ему действительно хотелось. Он наслаждался вниманием, которое окружающие обращали на него, когда он по-взрослому деловито и неторопливо причаливал к берегу, высаживал Сандру и помогал мне забраться внутрь. Я хохотала и неуклюже пыталась примоститься в надувной лодчонке, рискуя перевернуть ее кверху дном. В лодке хватало места лишь для двоих, поэтому нам приходилось меняться. Руки Ренни наверняка уже начинали побаливать, но он держался мужественно. Сандра с завистью наблюдала за нами с берега, она все еще не насытилась новыми впечатлениями. Финн бегал по берегу и повизгивал от обиды, его в лодку не пускали, опасаясь острых

когтей. Ренни уверенно греб к мысу. Здесь приходилось соблюдать осторожность: можно было угодить на мель, или процарапать днище о выступающие рифы. Но зато, обогнув выступ скалы, мы попадали в соседнюю бухточку, такую же уютную, как и та, в которой мы расположились. Это было уже настоящим приключением.

Я лежала, откинувшись на борт. Радовалась счастливой улыбке сына. У него и правда лихо получалось орудовать веслами. Не хотелось сейчас думать о том, сколько эта лодка, самая дешевая из тех, что были представлены в магазине, способна протянуть. Дешевые вещи всегда одноразовые. Но сегодня можно было блаженствовать. Вода цвета зелёного кристалла, солнце, словно расплывшееся пятно золотой краски от неловкого движения кисти, катера и яхты, белоснежными чайками гнездящиеся прямо за буйками, и аромат... неповторимый, ошеломляющий аромат моря, манящий за собой, влекущий в самую даль, к линии горизонта. Туда, где пряно-соленый запах волн сливается с жасминовым благоуханием облаков. Я погружала руку в теплую воду, а затем смотрела, как переливаются на солнце прозрачные капли. Далеко на берегу лениво копошились загорелые отдыхающие. Желтые, выжженные летним зноем холмы жадно ловили человеческий гомон и смех. Кажется, по ночам они обмениваются между собой подслушанными за день секретами и сплетнями. Именно за такие крохотные, но невероятно притягательные местечки я и влюбилась в Мальту с первого взгляда. Все недостатки этой игрушечной, но самодостаточной страны компенсировались райскими уголками покоя и равновесия. Единственное, чего здесь все-таки не хватает, это возможности уединения. Находясь на берегу, просто невозможно забиться в такую щель, куда не заглянул бы очередной любопытный турист из числа тех, которыми кишат не только города и деревушки, но и окрестные скалы. Обалдевшие от экзотических декораций туристы с отрешенными взглядами бродят здесь в любое время года, в любое время суток, поодиночке и группами. А летом местные жители просто теряются в толпе любителей истории, романтики и свежего воздуха. И только уплыв далеко в море, оказываешься в относительном одиночестве. После чопорно-делового Будапешта, в котором мы с отцом прожили семнадцать лет до моего замужества, острова казались территорией, где время течет лениво и неспешно, как-то само собой, где не нужно прикладывать особенных усилий для организации жизни. Конечно, это иллюзия, но иллюзия приятная.

– Мам, может, здесь есть какая-нибудь спортивная секция гребцов? Этим спортом я бы занялся, – Ренни упивался новым развлечением.

– Это было бы неплохо. Совсем неплохо. Наверное, нам лучше вернуться. Если ты еще не устал, прокати еще раз Сандру, она ждет не дожидается.

– А папа? Он тоже ведь хочет прокатиться?

– Да, но я уверена, что он предпочтет, чтобы твоя сестра осталась довольна. А позже и он сможет поплавать, верно?

– Отлично было бы еще порыбачить. Заплыть подальше с удочкой. Только нужно придумать какой-нибудь якорь, чтобы течением не сносило. Интересно, какую рыбу здесь получится выловить? Только Сандра будет обижаться, что ее не взяли с собой.

– Ты можешь порыбачить с ней недалеко от берега. Только не зацепить бы кого за плавки.

– У берега рыбу не поймать. Туда только самая мелкая мелочь заплывает, для которой и полметра – глубина.

– Надо посоветоваться с папой. Он что-нибудь придумает.

Но, когда мы вернулись обратно, настроение Сандры уже переменялось. Она не отводила глаз от молодой пары, которая забралась на вершину утеса и фотографировалась на самом краю обрыва.

– Давайте тоже туда залезем.

Идея нас вдохновила. Даже Ренни, поколебавшись пару секунд, ее поддержал.

– Но возвращаться на пляж уже не будем, лучше приедем завтра снова, – предупредила я. И мы начали сворачивать вещи.

Подъем не занял много времени. Финн счастливо носился вдоль тропинки, то опережая нас, то отставая, чтобы понюхать какую-нибудь былинку. Пес наш – эстет и любитель цветущей растительности.

Вид, открывавшийся с вершины, был грандиозен. Бесконечная гладь расплавленной бирюзы окаймлялась золотой полосой берега. Море искрилось, переливалось, воздух дрожал от зноя. Благодать царила над миром.

– Мам, как ты думаешь, скалам больно? – Сандра сосредоточенно наблюдала за тем, как морские волны сосредоточенно, с непреклонной уверенностью накатывают на подножие утеса. – Они все время борются между собой – волны и камни. А кто победит?

– Победит вода. Вода сильнее.

– Она же мягкая...

– Сила не всегда в твердости, детка, – улыбнулся Джанкарло. – Настойчивость и упорство тоже кое-чего стоят.

Они принялись развивать тему, а я отошла в сторону и пыталась впитать в себя последние минуты неги и безмятежности. Какое это все-таки счастье – жить у моря.

Муж подкрался сзади и уткнулся подбородком мне в затылок.

– Когда я стану совсем старым, больным, брюзгливым, окончательно выживу из ума и начну отравлять тебе жизнь, посади меня в инвалидную коляску, прикати сюда и столкни вниз. Это будет достойный финал.

– Не хотелось бы закончить свои дни вдовой-убийцей.

– Ты будешь получать мою пенсию.

– Ну, разве что ради пенсии! А угрызения совести?

– Я напишу тебе расписку, что был самым отвратительным мужем на свете, неряхой, ленивцем, абыззером, или на кого там ещё жалуются женщины. Ты будешь перечитывать ее перед сном, знаешь, сила внушения и все такое, и совесть мало – помалу третировать тебя перестанет.

– Тогда нам нужно начинать тренироваться уже сейчас. Можешь сделать что-нибудь особенно гнусное?

– Тогда... нам придется побыстрее поехать домой, – протянул Джанкарло и поцеловал меня в макушку.

Вниз спускались, оживленно болтая и хихикая. Я с удовольствием наблюдала, как Ренни помогает сестре забраться в машину.

Близкие отношения между детьми для меня очень важны. Мне было пять, когда моя мать умерла от инфаркта прямо на улице, возвращаясь из булочной. Врезалось в память как соседи отдавали отцу пакет со свежим багетом и булочками, я все не могла понять, почему их четыре, нас-то было всего трое. Ещё я вспоминаю ее руки, ласкавшие и отвешивающие оплеухи, покрасневшие от стирки, поправляющие одеяло на моей кровати, прижимающие салфетку к ранке на разбитом колене, или скользящие по клавишам рояля. А лицо помню плохо, поэтому люблю подолгу рассматривать фотографии. Через четыре месяца мы с отцом переехали из Брюсселя в Антверпен, а затем, и вовсе отправились в Венгрию, где отцу было поручено курировать проект в университете Будапешта. Жизнь текла своим чередом. Отец мой – интеллект, увлекающийся, из тех, кто, попав в брюхо к акуле будет с любопытством изучать устройство ее внутренностей. Меня он буквально боготворил, и я всегда чувствовала, что передо мной он как-то теряется, словно я чудо диковинное и ему не совсем понятно, с какого бока ко мне подойти. Возможно, будь я мальчиком, ему было бы проще. Но это не мешало нам жить дружно, насыщенно и весело, папа обладает прекрасным чувством юмора. Часто я ловила себя на том, что предпочитаю остаться дома и провести вечер с ним, болтая о работе, или обсуждая книжные новинки, чем идти танцевать или пить пиво со сверстниками. Он научил меня многим вещам. Например, здоровой прагматичности – «всегда давай человеку второй шанс, но

никогда третий». Отстаиванию личных границ – «тебя плачут-просят, а ты плачь-не давай!». Или критическому отношению к человечеству, как продукту эволюционного развития – «ты замечала, что у самой захудалой дворняги глаза более одушевленные, чем у самой успешной модели на подиуме?» К тому же, несмотря на все его преклонение, он каким-то образом умел отражать все мои интервенции и убеждать в разумности его доводов. Так что мое воспитание давалось ему легко. Я выросла нормальным человеком, без особых комплексов и ненужных стереотипов, без глубоких душевных ран и непоправимых детских травм, легко общалась с людьми и умела прощать недостатки себе и другим. Я отучилась, устроилась менеджером по международным связям в тот же университет, где работал отец, и продолжала изучать историю. Друзья, вечеринки, поклонники, все было, как положено в этом возрасте. А затем я встретила Джанкарло и мир перевернулся.

Встреча произошла в аэропорту Каира, я возвращалась с международной конференции, на которую меня послали в качестве сопровождающей группы студентов. Джанкарло же летел домой из Танзании, после отпуска, проведенного на сафари. В Каире у него была пересадка. Впоследствии никто из нас двоих не мог вспомнить вопроса, с которым пропыленный обросший бородой парень обратился к растрепанной утомленной перелетом девице. Но, заглянув друг другу в глаза, мы продолжили диалог. Через десять минут нам пришлось разбежаться в разные стороны. Но Джанкарло успел ухватить мою визитку. На следующее утро, проверяя документы, присланные по электронной почте, я получила его первое письмо. Было понятно, что новый знакомый написал его, еще не покинув пределов каирского аэропорта. Через год мы поженились. Патрик Мертенс был совсем не в восторге от того, что его дочь намерена перебраться в другую страну, но зятя уважал и постарался отнестись к изменениям в нашей жизни с пониманием. Я тоже покидала престарелого отца с тяжелым сердцем. Работу бросать старик не собирался. Следующие годы мы так и метались между поездками друг к другу. Джанкарло преподавал высшую математику в университете. Я после рождения Ренни полностью посвятила себя семье и хозяйству. Муж это одобрял. Деньги, правда, приходилось экономить, зато дети были довольны. Однако, после тридцать второго дня рождения я задумалась о том, что поезд мой может и совсем уйти. После столь длительного перерыва в карьере приходилось все начинать заново. Последние два месяца я рассылала резюме по объявлениям, ходила на собеседования, но пока ничего толкового не нашла. В следующий вторник мне было назначено собеседование в крупной международной компании, которой требовались контент-модераторы.

Я пыталась представить себе, как изменится наш быт, если я все же выйду на работу. Детям придется приучаться к самостоятельности. Муж тоже привык к тому, что домашние заботы не ложатся на его плечи. Получится ли у нас перестроить жизнь по новой схеме? Я надеялась, что да. Джанкарло был покладистым человеком, и принимал мое стремление к самореализации. Он, вообще, понимает меня во всем. С ним рядом так комфортно.

– Ты думаешь, может получиться? – задумчиво спросила я, рассматривая в окно машины причудливо украшенный цветами балкон на одном из домов.

– Почему нет? Какие у тебя основания для сомнений?

– Вдруг они решат, что я недостаточно творческая личность?

– Ну, не сочинения же ты там будешь писать.

– Ты же знаешь, мне гораздо легче представить что-то в голове, чем попытаться это описать. К тому же, я бываю косноязычной.

– Милая моя, все в той или иной степени косноязычны. Особенно нынешняя молодежь. Я фыркнула, муж выражался словно уставший от вечной суеты учитель средней школы.

– А вдруг мой стиль окажется несовременным?

Теперь уже усмехнулся Джанкарло.

– Несовременным? А современный – это какой? Побольше жаргонных словечек, поменьше смысла в предложении? Это только плохие писатели плохих романов считают, что

их книги никто не читает потому, что они употребили «fuck you» менее пяти раз на одной странице. Не знаю, может в Америке люди действительно так разговаривают, но точно не в Европе. Ориентируйся на Европу.

– Ты умеешь вдохновлять.

– Знаешь ли, в мире так много людей с весьма посредственными способностями, которые, тем не менее, не боятся пробовать, и в итоге хорошо ли, плохо ли, но у них что-то получается. А сомневаться в собственных силах, даже не испытав их, это нелепость.

– Ты прав, как всегда, – протянула я, водя пальцем по стеклу.

– Главное, чтобы ты сама поняла, что для тебя значимо, а что нет. Жизнь, вообще, состоит из использованных и упущенных шансов. Когда умирала моя бабушка, она сокрушалась, что так и не сподобилась побывать в Лурде. Очень ей туда хотелось. Но каждый раз откладывала ещё на год, когда денег будет побольше, или когда дети подрастут, или когда сестра болеть перестанет. В итоге, все живы, здоровы, выросли и благоденствуют, а ее желание так и не осуществилось. Очень она расстраивалась. Никогда не угадаешь заранее, о чем будешь сожалеть на смертном одре.

– Ну почему же, есть вещи одинаково ценные для всех. Семья... дети...

– Да, только представление о том, какой должна быть счастливая семья, может сильно разниться. Иначе, человечество давно бы выработало единый алгоритм достижения счастья. И следовало бы ему. Собственно говоря, большинство заповедей большинства религий и являются этим алгоритмом...

– Не хочу я следовать никаким схемам. Все должно происходить естественно, само собой, без напряжения.

– Не уверен, что природная гармония может продлиться долгое время.

– Но ведь у нас длится? – улыбнулась я. – Или нельзя так говорить, иначе сглазишь?

Я подавила зевок. Муж был бесспорно прав, хоть и чуточку банален. К проявлениям банальности я относилась снисходительно. Я понимала, насколько сильно искажаются мысли и чувства, когда пытаешься выразить их словами, сколь многое теряется в процессе. В юности я пробовала писать стихи. Они получались вполне приличными с точки зрения формы и наполнения, но не выражали и десятой доли того, что было у меня в голове. А там бушевал целый океан образов, фантазий и переживаний. Они захлестывали, завоевывали мозг, пинали друг дружку и ставили подножки, соперничая между собой и требуя выхода. Иногда им удавалось прорваться наружу в виде ярких, отчетливых, почти реальных сновидений. В отличие от большинства людей, я часто помнила содержание приснившегося и могла его внятно пересказать. Однако, при переносе на бумагу, эти видения блекли, обесцвечивались и умирали. С тех пор я выработала лаконичный, суховатый стиль изложения и старалась его придерживаться.

Через пару минут мы припарковались у подъезда. Дом был не самый новый, в нем даже не было лифта. Да и квартира требовала обновления. Двери закрывались со скрежетом, эмаль ванны обещала скоро пойти узорной паутиной, чтобы задвинуть ящики комода, приходилось поднажать на них бедром, от чего на теле оставались синяки. Хозяин предлагал нам переехать в квартиру этажом выше, и ремонт и мебель там были посвежее, а деньги ненамного больше. Но, поразмыслив, мы решили, что имеют смысл только кардинальные изменения. К тому же, в этой квартире были два преимущества, которые для меня оказались решающими. Во-первых, это большой коридор. Не такой светлый, как хотелось бы, и не столь уж практичный – не на велосипеде же по нему кататься, он придавал всей квартире ощущение пространства. В апартаментах этажом выше коридор был срезан, за его счет расширили одну из комнат. Но пространство сразу съежилось, потерялось. Во-вторых, вид из окна на бухту. Картинка, включавшая в себя водную гладь, береговую линию с морем огней, зажигающихся по вечерам, изгибом автомобильной трассы, по которой плавно двигались в темноте огоньки фар, холмами на заднем плане, со средневековыми башенками дворцов в зелени рощи, и, наконец, небо, распро-

стертое над всей этой красотой, вписывалась в оконный проем так гармонично, что не теряла своего очарования под любым ракурсом. Из окна верхней квартиры этот пейзаж тоже смотрелся неплохо, и, даже дополнялся видом на набережную соседнего городка, но пропорции нарушались и впечатление смазывалось. Я понимала, что готова многим пожертвовать ради этой совершенной картины в раме из занавесок.

Стеклянные перекрытия придавали четырехэтажному зданию легкость. Оно строго и слегка надменно возвышалось над старым кварталом.

Собеседование прошло удачно. Приятная шведка с гортанным выговором задавала вопросы. Я отвечала на них, не испытывая никакого напряжения. Естественность и искренность – тоже ключи к успеху. Затем я прошла несколько тестов и заполнила форму с личными данными. Вокруг расхаживали колоритные молодые люди, каждый из которых напоминал работника архива, или палеонтологического музея. На каждом из них в отдельности лежал отпечаток сосредоточенности и некоторой аутичности. Вместе же они составляли пеструю и оживленную толпу. Мне нравилось это динамичное движение, юная энергия, приглушенное непрерывное гудение человеческого улья.

На улицу я вышла с ощущением обновления и открывающихся перспектив.

На крыльце стояла группа молодых людей, их внимание было приковано к небольшому листку с объявлением, приклеенному к двери.

– Нуландер в своем репертуаре.

– Его фантазии все причудливее и причудливее.

– А я думаю, что все это имеет глубокий смысл, просто нам, непосвященным, он непонятен. Человек с его именем не будет заниматься ерундой.

– А весенние его эксперименты? Пьер говорит, он просадил уйму денег, а теперь ему снова выделяют грандиозный грант.

– А я слышал, что американцы очень заинтересованы его исследованиями, и пытаются переманить его под свою крышу. Не понимаю только, почему он устроил свою лабораторию здесь, а не в каком-нибудь университете. Ведь так это обычно принято делать?

– Говорят, его поддерживает Ахеллсон. Достаёт ему все необходимое оборудование.

– Смотрите, здесь даже премии обещаны. Не слишком большие, правда.

– Не слишком большие для того, чтобы ради этих денег выдумывать небылицы. Ну, а чтобы просто записать увиденное, вполне достаточные. Конечно, если тебе есть, о чем рассказать.

Юноши двинулись прочь от здания, продолжая обсуждать прочитанное, а я поспешила полюбопытствовать, чем именно вызвана их дискуссия.

«Приглашаем всех без исключения желающих принять участие в творческом проекте. Запишите три самых ярких сновидения, которые приснились вам за последнее время и опустите их в ящик на первом этаже. Поощрительный приз для самых педантичных исполнителей – 100 евро. Пожалуйста, не считайте этот проект литературным конкурсом. Правдивость изложения будет проверяться. Доктор Пол Нуландер».

Вот людям нечего делать, подумала я. Интересно, как он собирается проверять правдивость изложения, на детекторе лжи, что ли?

Я торопилась домой. Нужно было успеть приготовить обед детям и испечь пончиков к ужину.

Финн радостно встретил меня у дверей.

– Да, милый мой, тебе тоже придется проводить время в одиночестве. Так что, привыкай.

Я так и не могла с полной уверенностью ответить на вопрос, готова ли я к выходу на работу. Конечно, активный образ жизни, самореализация, дополнительные деньги, все такое... Но оторваться от дома, забросить детей представлялось большой проблемой. В конце концов,

так живут миллионы женщин, успокаивала я себя. Хотя и не уверена, что это самое правильное решение. Но, наверное, можно будет остановиться в любой момент, если я почувствую, что совершила ошибку.

Вечером мы были приглашены на день рождения племянницы Джанкарло. Марии исполнилось четыре года, они были очень дружны с Сандрой. Дети долго выбирали подарок, расхаживая между полками магазина и глаза на обилие вещей, так милых юному сердцу и, несомненно, жизненно необходимых каждому ребенку. После споров и пререканий, решили довериться вкусу дочери и остановились на большом розовом зайце, который мог служить одновременно игрушкой, подушкой и, как я отметила про себя, декоративным утеплителем для окна.

Сестра Джанкарло Мартина с мужем Виктором и двумя детьми жили на соседнем острове Гозо в Виктории, по местным меркам это считалось несусветной далью, хотя, при благоприятном стечении обстоятельств, нам удавалось добраться друг до друга минут за сорок. Поскольку паромы между островами ночью курсировали нерегулярно, решено было остаться ночевать у хозяев.

Гозо нравился мне еще больше Мальты. Иногда я представляла, как когда-нибудь, в конце жизни, мы купим здесь маленький домик и будем вести спокойный, размеренный образ жизни на этой красной земле, среди желтого камня, под умиротворяющий и примиряющий звон колоколов, рядом с доброжелательными и приветливыми соседями, разводя цветники и подкармливая прорву уличных кошек. Время здесь текло еще ленивее и тягучее, и из любой точки острова можно было пешком добрести до моря. На долю гозианцев в свое время выпало немало испытаний: скудная почва, недостаток пресной воды, бесчисленные завоеватели и набеги пиратов. Но местные жители любили свою землю и не спешили покидать ее. Работу здесь найти было сложнее, молодежь предпочитала перебираться ближе к центру, но корней своих не теряла, и тянулась сюда на выходные и в праздничные дни.

Именинница встретила нас на пороге. Она торопилась немедленно продемонстрировать подарки, праздничный торт, новое платье, а главное, котенка, серого пушистого малыша, подаренного родителями. Жан-Паоло был на два года старше Ренни и держался с ним покровительственно. Ренни этого терпеть не мог, но характер проявлять не решался, опасаясь вмешательства взрослых. В ожидании ужина он предложил поиграть в шашки. В этой игре он чувствовал себя уверенно и мог соперничать с кузенком.

Мартина расстаралась и приготовила столько разных блюд, что они не умещались на столе. Женщины принялись организовывать дополнительное пространство. Мужчины же пошли изучать новую систему управления аквариумом, последнее приобретение Виктора. С ее помощью можно было автоматически менять температурный режим, очищать воду, нагнетать кислород и даже создавать желаемый микроклимат. Сейчас, например, в аквариуме бушевал шторм. Испуганные гуппи, малинезии и барбусы жались ко дну, пережидая эту неприятность.

Подъехали и другие гости: бабушки с дедушками и две подруги Мартини. Наконец, суматоха улеглась, и все уселись за праздничный стол. Разговор шел об общих знакомых, друзьях семьи.

– Я встретила на днях Роберто, – рассказывала Оливия, мать Джанкарло. – Он жалуется, что бизнес стал идти гораздо хуже, чем раньше. В Сент-Поле хоть и много жителей, но кафе кормится в основном за счет туристов. А туристы приезжают преимущественно летом. Но, хоть сейчас и лето, все заработанное придется растягивать на целый год.

– Тоже мне, олеандр...

– Что, папа?

– Я говорю, что Роберто – не куст олеандра, который вырастает корнями в камень. Да и куст, при желании можно выкопать и пересадить на новое место. Правда придется немного запачкаться.

Я обожаю Августо. Почтенный глава семейства из тех, о ком в старые времена говорили «се Человек». Не имея никакого образования, кроме нескольких классов школы, он чудесным образом умудрялся вполне достойно содержать семейство и вырастил четверых детей. Помимо Мартины Джанкарло имел еще двух сестер, которые теперь проживали за пределами островов. Я хорошо понимала, как нелегко, должно быть, пришлось Августо в свое время. За свою жизнь он успел поработать и официантом, и курьером, и рабочим на мебельной фабрике, несколько лет проплавал на торговом судне.

Из морских путешествий привез множество интересных и даже жутких историй, например, о том, как в Африке на них нападали адзе – светлячки-вампиры, а у берегов Японии им довелось наблюдать майкуби – отрубленные головы подравшихся самураев, все еще качающиеся на волнах и пытающиеся дотянуться и укусить друг друга. Эти истории он рассказывает так смачно, с подробностями, демонстрацией застарелых шрамов и ран, что не сразу и разберешь, где правда, а где вымысел. Поэтому наши дети может и не могут решить какое-нибудь математическое уравнение в школе, зато твердо усвоили, что, если за вами в темном лесу движется большой шар на ножках, оборачиваться нельзя, а нужно посторониться, поклониться и вежливо уступить дорогу: проходите, пожалуйста, Бэто-Бэто- сан.

После возвращения на сушу Августо сменил еще несколько строительных профессий перед тем, как устроился на работу в местную пекарню. Здесь у него и открылись замечательные способности к кулинарии. И сейчас он продолжал иногда баловать детей и внуков блюдами, не только собственноручно приготовленными, но и им самим изобретенными. Сегодня, например, это был имбирный пирог с какой-то особенной начинкой. До пирога дело еще не дошло, но я уже перестала дегустировать прочие угощения, предвкушая десерт. Я знала, он стоит того.

Никогда в жизни я не слышала, чтобы Августо жаловался на жизнь, чего нельзя было сказать о его отношении к современному обществу, к тому же старик любил пофилософствовать. Он вел необычайно активный для его лет образ жизни, любил пешие прогулки, собак, разбил целую оранжерею на крыше дома.

Внуки страстно стремились к нему в гости, потому что в доме было множество диковинных вещей: старинный глобус, большая географическая карта, на которой были изображены звери, живущие на названных территориях, настоящее масайское копье, настенные часы начала прошлого века, которые стараниями хозяина все еще исправно отбивали гулким звоном начало каждого часа, книги о животных и растениях, маленький раскрашенный индонезийский веер, который разворачивался в забавную шляпку, разные удивительные механизмы и приспособления. Августо и сам мог смастерить какую-нибудь невидаль: самодельный компас из бутылочной пробки, настоящую действующую модель вулкана, показывал детям опыты с электричеством и действия химических реакций, схемы и описания которых находил в журналах. С ним дети охотно делали разное, мастерили пульперу – ловушку для осьминога, пекли к Пасхе фиголу, разбирали в сарае старый хлам. Еще одним его увлечением была портретная фотография. Хотя он нигде не учился этому искусству, ему удавалось уловить объективом самое потаенное в человеке, и субъекты его работ представляли перед вами абсолютно уникальными и неповторимыми персонажами. Со стен дома на вас поглядывали, косились, улыбались разные лица. Оливия уверяла, что пугается по ночам сурово вззирающих на нее из темноты иракского крестьянина и яванского паромщика. Но задумчивая японка, укрывающая свою молочную кожу под кружевным зонтиком от весеннего солнца, и серьезный сицилийский мальчик, несущий на плечах корзину с инжиром, ей нравились. Она смирилась с ними, как мирятся с присутствием не всегда приятных в общении, но безнадежно родных членов семьи.

В своих суждениях о жизни Августо был так же категоричен, как в поступках и решениях. Выбери одну женщину и люби ее до самого конца. Не нравится твоя жизнь, поменяй ее, только и всего. Не дело взрослого мужчины хныкать и жаловаться. Все в твоих руках. Удивительно,

но ему действительно удавалось договариваться с судьбой. Со свойственной ему житейской мудростью он выработал собственную философию и упрямо следовал ей.

– Сейчас у всех столько разных проблем, – вступил в разговор Виктор. – Экономика рушится, политическая обстановка на грани, новые налоги, новые правила, государство постоянно вмешивается в личные дела. Голова кругом.

– Кепочку надень.

– Прости, что?

– Надень кепочку. Твой мозг принимает и транслирует слишком много ненужных сигналов.

Я подавилась салатом, стараясь сохранить невозмутимый вид. Виктор, привыкший к выходкам тестя, не обиделся, зато Оливия рассвирепела.

– Ты совсем уже выходишь за рамки приличий, дичаешь к старости.

– Хоть как-то вас расшевелить. Хочу посмотреть, осталось ли в моих детях что-то человеческое.

– Это что же у тебя за фантазии?

– Какие уж тут фантазии, самая что ни на есть реальность. Что вы, не видите сколько вокруг ходит пустотелых? Или, правильнее сказать, пустоголовых? А ещё вернее бездушных.

– Это ты о ком?

– Да я не сочиняю ничего нового, многие уже заметили, что люди вокруг меняются. Ходят, дежурно улыбаются, произносят слова, а внутри пустота, как плохие актеры на сцене. Одни считают, это роботы, которых нам в мир внедряют, другие, что ящеры, замаскированные под человека. Я уже и этому готов поверить, когда оглядываюсь по сторонам. Реальность все больше становится похожа на отвратительную бутафорию. Этот мир больше не для людей. Уши у меня человеческие, хвоста нет, но жить противно. Ты когда последний раз чего-нибудь пугалась? – внезапно обратился он к дочери.

Мартина опешила и удивленно уставилась на старика.

– В каком смысле?

– Да в прямом. Я не про фильмы ужасов, или криминальные истории в газетах, и не про тревогу за детей, этот инстинкт сохраняется до последнего, слава богу. Что-то тебя пугало сильно, чтобы ты прямо натуральный страх испытывала? Ну, хорошо, другой пример, чему ты последний раз радовалась, вот прямо по-настоящему, чтобы до дрожи в коленях, или чтобы глаза засияли?

Мартина сложила губы трубочкой, потом подняла брови, потом оглядела нас, прося помощи.

– Я радовался, когда встретил друга, мы были очень близки в юности, потом не виделись долгое время, – не очень уверенно протянул Виктор. – Но это было ещё в феврале...

– А я радовалась, когда Жан-Паоло выиграл соревнования по дзюдо в спортивной школе, – Мартина облегченно выдохнула.

– Это когда было?

– Весной, да, много времени прошло, но, правда, ничего другого не могу припомнить.

– Хорошо, любые другие сильные эмоции? Веселье, печаль, восхищение, обожание, отвращение, зависть, гнев... Любые, но чтобы по-настоящему, чтобы всем сердцем загореться. Или, может быть, кто-то из вас влюблён до зубной боли, или увлечён чем-нибудь до беспамятства?

Мы все растерянно и смущенно копались в памяти, пытаясь выцепить мало-мальски удачный пример.

– Я вот о чем говорю, – вздохнул Августо. – Боженька создал нас для развлечения, а для чего ж ещё? И, как любые игрушки, мы ему быстро наскучили. Он, конечно, не совсем про нас забыл, но явно пренебрегает, особенно теми, кто жизнь почти прожил и от кого ждать многого

уже не приходится. Так что чудес, которых в молодости было как маков в поле, с возрастом становится меньше, ещё меньше, а потом они и вовсе перестают случаться. То же самое и с нашими чувствами и эмоциями. К старости человек выхолащивается, истончается до одной плоскости. Но вы-то ещё молоды. Я помню себя в вашем возрасте, ух, какие страсти у нас кипели...

Оливия с Кармеллой смущенно заулыбались и синхронно кивнули головами.

– Я думаю, что мы призваны на землю для единственной цели, пережить как можно больше эмоций и испытать больше чувств. Но сейчас наступило такое время, когда люди перестали чувствовать. Думать тоже перестали, и мне это также странно, образованные вроде все, некоторые даже книжки читают, обеспеченные, не нужно землю-то пахать, сиди себе в плюшевом кресле и размышляй о высоком. Но почему-то мало кто это делает. В головах правителей мочевина, в сердцах супругов нет огня, молодежи вообще все до звезды. Чувства выражать стало не принято. Дожили до того, что признаться в любви – значит проявить слабость. Доказывают друг дружке, что выбирают особый путь, что лучше жить одному, не обременять себя семьей и детьми. Все друг с другом соревнуются, но никак не поймут, что мы все в самой низшей лиге. Интересы-то самые мелочные, у кого машина дороже и губы фрикаделистей. Еду свою фотографируют и в интернет выкладывают! Советы дают, как сражаться женщинам против мужчин, а мужчинам против женщин, или как мужчину поделить между женой и свекровью, и никто уже не советует, как жить в мире. В глаза людям страшно заглянуть, такая там пустота. Говорить не о чем, одни штампы. Человечество заканчивается. Одухотворенный мир погибает. Раньше мы надеялись на будущее, а сейчас с надеждой оглядываемся в прошлое – мол, были же и мы когда-то людьми. Но думается, мы опоздали. Хорошо, что скоро уходить. Скучно до омерзения.

– Тебе нужно побольше вращаться в приличном обществе.

– Господи Иисусе, кого это ты имеешь ввиду?

– Больше общайся с молодыми.

– Мать честная, чему можно научиться у молодых? У них даже нет времени на жизнь, сплошные устремления. Им нужно карьеру строить, чтобы в интернете про них статью написали, найти партнера, по возможности «токсичного», на которого потом можно будет свалить вину за неудачи, и работать над собой, массировать чакры и переходить на новый энергетический уровень. Послушать их, так все озабочены проблемой саморазвития. Только эйнштейнов вокруг что-то не прибавляется. И это самые продвинутые. Остальные листают приложения, открывают ссылки, покупают и бронируют. Но все это больно смахивает на мышиную возню, а на неё-то как раз у меня времени не осталось.

– Тогда найди сверстников, с кем у тебя больше общего.

– Сверстники либо невыносимо скучны, либо поидиотски категоричны, и предпочитают проводить остаток дней серо и угрюмо, переживая, что не все вокруг озабочены тем, сколько раз они пописали за ночь.

Несмотря на брюзгливый тон и нарочитую угрюмость, глаз старика из-под нахмуренной брови посверкивал вполне оптимистично.

– Есть еще онлайн общение.

– Интернет – штука хорошая. Беда в том, что он дает голос всем подряд, в том числе и людям, которые должны были бы быть немыми от рождения, а потом эти люди создают кучу идиотских тенденций, а глупость имеет особенность собираться в племена. И эти племена не позволяют иметь другую точку зрения или мнение. Будущее темно и полно ужасов.

– В тебе нет ни капли снисхождения.

– Неправда, я очень даже терпим. Человек должен, пока не поздно, научиться сопротивляться влиянию общества, в котором он живет. Кучка маразматиков подмяла под себя мир. И на деле все меняется лишь к худшему. Бедняки продолжают убивать бедняков, пролетарии

как пролетали, так и пролетают. Голосуйте на выборах так, как совесть подсказывает, но на то, что что-то изменится в лучшую сторону лично для вас даже не надейтесь. Я не знаю ни одного правителя за всю историю человечества, который бы заботился о людях, люди для них лишь пыль под каблуками, которую ещё не вывели за порог только потому, что из нас можно выжать ещё пару монет или отправить на войну, завоевывать для них новые рынки сбыта. Люди современному обществу уже не нужны. Все условия для элит создали, пора и честь знать, на покой отправляться. Чем меньше народа, тем травка на их газонах зеленее. Так не тратьте свое время на решение их проблем. Жить нужно для семьи, друзей и того узкого круга, который разделяет твои тяготы. Если можешь что-то изменить в обществе, меняй. А нет, так не кипяти мозг.

– Но, папа, ведь случаются иногда и беды.

– Беда, это когда кто-то из твоих любимых людей плох. Но даже и тогда, если можешь помочь – помоги, если нет – прими это как данность. Боль твоя не утихнет даже со временем, но и счастье не уйдет далеко. Просто делай что можешь. Никогда не поздно что-то изменить. Но будь счастлив и радуйся тому, что имеешь.

– Ну хорошо, но от тебя зависят и другие люди, члены семьи, например. О них ведь тоже приходится заботиться.

– Они же не инвалиды и не микроцефалы! И я говорю вовсе не о том, что нужно лежать на диване и пускать мыльные пузыри. Члены семьи должны друг другу помогать. Вообще, жить с человеком нужно не вопреки, а для... Для радости. Если Джанни вдруг начнет отравлять тебе жизнь, детка, – повернулся он ко мне, – смело бросай его.

– Как это? – возмутилась Кармелла, мать Виктора. – Как это «бросай»? Если так рассуждать, ни одной нормальной семьи не сохранить. У всех бывают ссоры и недоразумения.

– Недоразумения недоразумениям рознь, – рассердился старик. – Я об отношении человека к человеку. Жить нужно только с тем, кто готов принести в жертву свой эгоизм, чтобы вам обоим было хорошо. А если он кормит свой эгоизм за твой счет, зачем быть с ним рядом? Любовь – это забота и поступки. Они определяют все.

– А дети? Дети всегда эгоистичны.

– Так ведь твоя обязанность повернуть их головы в нужную сторону. А если они у них не прокручиваются до нужного градуса, вырастите их и пните за порог. Жизнь обломает быстрее, чем любые нотации и внушения.

– За это время они наделают столько ошибок...

– Непоправимых ошибок не бывает.

– Тебе бы, папа, книжки мотивирующие сочинять.

Я никогда особенно не задумывалась об этом раньше. Это на самом деле так? Всегда можно все поправить? Августо, конечно, лукавил ради красного словца. Политиков он и правда не любил, но на любое событие в общине отвечал первым, а о притворности его равнодушия к чужой беде говорили глубокие морщины, распахавшие лицо.

Я наблюдала за Ренни, который воспользовавшись отсутствием внимания к его персоне, прокрался к аквариуму и сменил режим. В аквариуме наступил штиль, и рыбы облегченно выбирались из зарослей водорослей и поднимались к поверхности.

Ренни заинтересованно смотрел в окно. Я проследила за его взглядом. Высоко в небе образовался огромный курчавый щенок. Он лежал, вальяжно вытянув задние ноги, расправив вислые уши, и заглядывал прямо в окно.

– Твои взгляды прямо-таки радикальные, – ворчала Оливия. – Это значит, ты и со мной готов в любой момент развестись?

– О... понеслась душа в рай! Мы с тобой вместе столько долгих лет именно потому, что оба этого хотим. Взаимно. Думаешь иначе я смог бы прожить целую жизнь среди всех этих рюшечек, бантиков, блюдечек, вязаных салфеточек? Я – суровый морской волк, просоленный ветрами, потрепанный штормами!

– Шторма, видно, были сокрушительными, – ехидно вставила Кармелла.

Супруга притворно раздраженно отмахнулась рукой. А Мартина принесла новое блюдо – запеченные баклажанные шарики. Беседа переменила направление.

Мы слушали обычное дедовское ворчание и, улыбаясь, смотрели на стариков. Их жизнь, может и не самая легкая, но ведь счастливы они по-настоящему. О многих ли людях можно это сказать? Я снова перевела взгляд за окно. От щенка остался лишь хвост, его поглотили другие набежавшие облака.

Второе собеседование в компании тоже прошло удачно, и через неделю я приступила к работе. Разноплеменная компания пестрела людьми разных возрастов, национальностей и наречий. За одним столиком в буфете можно было увидеть светлоглазых блондинов из Скандинавии, курчавых романтичных греков, широкоскулых мексиканцев, чинных англичан. Со всех сторон доносились обрывки фраз на французском, испанском, итальянском и дюжине других языков, некоторые из которых я даже не могла сразу опознать. Атмосфера в рабочих группах была деловой, но спокойной и приятной. Я довольно быстро ухватила суть работы, которая заключалась в анализе информации, ее достоверности и отсеиве зерен от плевел. Наш аналитический отдел был интернациональным. У меня было два руководителя. Андреас – молодой энергичный швед, шустро управлявшийся со всеми компьютерными программами, о существовании которых я до сих пор даже не догадывалась, мгновенно классифицирующий поступающие данные. Создавалось впечатление, что он играючи оперирует огромным количеством информации, в то время как мне казалось, что голова моя к вечеру становится похожей на абажур от торшера. Так же легко и изящно Андреас общался с окружающими. Едва завидев его высокую нескладную фигуру в неприменном свободном балахоне, стянутые в хвост длинные волосы и белозубую улыбку, люди начинали улыбаться в ответ, приветливо махали руками, заговаривали с ним.

Второй начальницей была Фернанда, уроженка Валенсии. Всегда подтянутая, немного чопорная, она компенсировала свою молодость сдержанностью манер и демонстративной строгостью. Но первое впечатление было обманчивым. Познакомившись ближе, она раскрывалась для человека совсем с другой стороны. В ней преобладали интеллигентность, снисходительное отношение к человеческим слабостям и искренняя вера в то, что человечество в целом и его отдельные представители все еще могут стать лучше.

Я поладила с обоими. Это было важно, потому что внешне несложная работа была полна нюансов. К тому же пришлось освоить несколько компьютерных программ, которые требовали определенной практики. Впрочем, все это было вопросом времени и опыта. Поступающая информация была многоструктурной. Это утомляло, но, с другой стороны, мне нравилось это разнообразие. Через несколько дней работы я заметила, что начинаю информацию не столько анализировать, сколько чувствовать. Мне казалось, что я ощущаю, как включаются различные участки мозга и переваривают поступающие данные будто вне зависимости от моих действий. Иногда оставалось только получить готовый результат – принятое решение.

– Значит, ты попала сюда по назначению, – без тени иронии констатировала Фернанда. – Это признак таланта к аналитической работе.

С другими членами рабочей группы я также быстро завязала приятельские отношения. Все коллеги казались людьми весьма приятными. Было ли это свойством молодого коллектива, или результатом тщательного отбора кадров HR-отделом, об этом я не задумывалась. Главное, утром мне хотелось идти на работу.

От смены распорядка моей жизни больше всех страдал Финн. Он не привык и не любил оставаться один, поэтому теперь капризничал и всячески демонстрировал свою обиду. Я лишь посмеивалась, погружая руку в густую мягкую шерсть пса и щелкая его по пятнистому носу.

С детьми пока помогали бабушка с дедушкой.

Джанкарло, встречавший меня у дверей офиса после работы, глядя на пеструю толпу сослуживцев и чувствуя мое возбуждение, немного ревновал.

– Может, ты не хочешь, чтобы я встречал тебя здесь после работы? – спросил он как бы невзначай.

Я также невзначай возразила, что мне это как раз очень даже приятно, но причину вопроса поняла и решила быть повнимательнее к мужу в ближайшее время.

Примерно через две недели после начала работы в столовой на информационной доске я снова увидела то странное объявление, подобное которому висело прежде у входной двери.

В обеденный перерыв я поинтересовалась у Фернанды, кто он такой, этот ученый?

– О! Да ему в пору фотографироваться на фоне своего величия. Он, знаешь ли, ведет серьезную научную деятельность, разрабатывает какой-то сложный проект. Я мало осведомлена, но раз уж владельцы компании финансируют его исследования, то здесь точно пахнет выдающимся открытием, а значит и большими прибылями в перспективе. По крайней мере такие ходят слухи.

– В какой сфере разработки?

– Вроде из области психологии. Видишь, сейчас его интересуют наши сны. Зачем они ему – не спрашивай, я не в курсе.

– А как он выглядит, этот Нуландер?

– Шутишь? Ты что, до сих пор не знаешь его в лицо? Вон же он, сидит в компании за столиком в центре. Тот, что в серой рубашке.

Пол Нуландер не производил впечатления потенциального обладателя Нобелевской премии. Честно сказать, он вообще особенного впечатления на меня не произвел. Лет сорока пяти, нет, скорее пятидесяти. Вот представьте себе, что перед вами Джеймс Белуши, но вы не знаете, что он и есть тот самый Джеймс Белуши. Лицо не особо примечательное. Разве что взгляд – спокойный, уверенный, не любопытствующий. Так смотрят самодостаточные, преуспевшие люди, которым уже никому ничего не надо доказывать. Из кармана рубашки выглядывают очки. Движения неторопливые, размеренные. На фоне суетливых собеседников, энергично жестикулировавших, он выглядел как альбатрос, мирно покачивающийся на волнах. Впрочем, чувство превосходства в нем тоже не проскальзывало. Аккуратен, опрятен. Короче говоря, классический университетский преподаватель средней руки. Что это все с ним так носят?

Многие, видимо, впечатления мои не разделяли. Заинтересованные взгляды на него бросала не я одна, многие, судя по всему, очень хотели бы привлечь его внимание. Я отметила, что беседа за соседними столиками стала звучать громче и оживленнее.

После ланча я подошла к доске и еще раз перечитала объявление. Оно не показалось менее странным.

Почему нет? Я про себя пожала плечами. Воображение у меня развито даже чрезмерно. Уж мне-то не придется сочинять небылицы. Красочные сны снятся мне почти каждую ночь. Некоторые из них настолько сюжетны, что, проснувшись, я ощущаю себя так, будто только что вышла из кинотеатра. Содержание и настроение сновидений были разнообразными. Мне снились сны-переживания, сны-воспоминания, сны-кошмары, сны-лирические картинки и, даже, сны-шутки. Нужно всего лишь записать увиденное, ничего не приукрашивая.

Через два дня случай подвернулся. Сон был вовсе не из самых приятных. Но ощущался реальным настолько, что я чувствовала, как поднимаются волоски на коже, как сбивается ритм сердца, как пересыхает во рту.

Вторая мировая война. Территория, оккупированная немцами. Вроде бы Франция.

Я служу в каком-то театре, не знаю кем. Возвращаюсь вечером на службу и застаю кошмарные события в самом разгаре. Прямо в одной из гримерных проводят допросы. Дверь открывается, и из комнаты выходит одна из наших актрис. Несмотря на разбитую скулу и опух-

ший подбородок, спину она держит ровно и спокойно смотрит прямо перед собой. Меня она не замечает, или делает вид, что не замечает. Я хочу окликнуть ее, но не решаюсь. В это самое время одна из молоденьких танцовщиц труппы, уже побывавшая в страшной комнате, тоже со следами побоев, и, сидевшая в коридоре, прислонившись к стене, с опустошенным взглядом, неожиданно поднимается и быстро идет к окну. Никто не успевает отреагировать, когда она забирается на подоконник, всего на миг замирает и, неловко взмахнув руками, исчезает в оконном проеме. Шок накрывает даже немецких солдат, дежурящих возле выхода.

Из гримерной выходит офицер, у него руки со вспухшими венами и глаза мертвой кривки. Он сообщает, что остальные работники будут вызваны завтра утром. Нас выгоняют на улицу.

Я прихожу домой. Мать что-то готовит на кухне. Она молча поворачивается ко мне. И лицо, и фигура совсем посторонней женщины, но я точно знаю, что это моя мать. Я уйду в свою комнату и сажусь на кровать.

Я знаю, что они ищут меня. Парадокс сна в том, что я понимаю, что знаю какой-то секрет, или владею каким-то предметом, но понятия не имею чем именно. Наверное, для подсознания этот элемент не важен. Еще я уверена, что допроса я не выдержу. Я не очень-то умею скрывать свои чувства и мысли, и обязательно «расколюсь». Тот факт, что я не сумею выдать тайну потому, что просто не знаю в чем она заключается, не приносит мне облегчения. Это не послужит оправданием. И еще, я совершенно не переношу боли. Я вовсе не героиня. Чувствую себя абсолютно раздавленной, буквально размазанной по полу от безысходности ситуации. События развиваются сами собой без моего участия, их невозможно взять под контроль.

Я думаю о том, что было бы правильным бежать. Укрыться где-нибудь в деревне. Позвонить другу, он бесшабашен, и согласится вывезти меня из города. Хотя, наверняка, они все предусмотрели. Дороги перекрыты, за каждым ведется наблюдение. Все закончится тем, что я потяну за собой еще и приятеля. Я сумасшедше пытаюсь найти выход. Ладони покрываются потом, нервная дрожь леденит тело. Ужас сковывает мышцы. Полное оцепенение, только мозг работает лихорадочно. Я понимаю, что, даже если сумею исчезнуть и спрятаться, они найдут способ достать меня. Расправятся с матерью и другими членами семьи. Выхода нет.

Я поворачиваюсь лицом к окну и обреченно жду рассвета...

Я спустилась в столовую на первый этаж, где стояли автоматы с шоколадками и печеньем. При виде этих устройств мне всегда становится немного тревожно. Честно говоря, я немного их побаиваюсь. Никогда не могла понять принцип действия металлической лапы, выдающей сладости. Я бросила монетку в отверстие и нажала нужные кнопки. Автомат тяжело вздохнул, задрожал, и вожделенная шоколадка «Аэро» начала выдвигаться вперед, но, приблизившись к краю и осознав, что сейчас придется ринуться вниз, вцепилась в края поддона и замерла. Автомат удивленно хмыкнул, для приличия содрогнулся еще пару раз и, сняв с себя всякую ответственность, с облегчением ушел в себя.

– Зараза! – прошипела я и ударила рукой по железной стенке. Реакции не последовало. Я ударила еще и еще. С таким же успехом можно было биться головой о подножие Эйфелевой башни.

– Позвольте мне, – раздался за спиной мягкий голос. Я обернулась. Высокая светловолосая женщина улыбалась мне.

– Давайте я попробую.

Женщина не была похожа на других сотрудниц компании. Здесь придерживались весьма демократичного стиля. Одевались кто во что горазд, на работу многие приходили в джинсах и майках, бесформенных балахонах и бермудах. В глаза бросалось обилие татуировок и пирсинга. Одна из скандинавок, уже не самой первой молодости, была украшена подобным образом с ног до головы. Некоторые мужчины в свою очередь носили длинные волосы, заплетенные

во множество косичек, украшали себя серьгами и браслетами. И только менеджеры среднего и высшего звена придерживались более официального стиля. Подобное разнообразие мне нравилось. Однако, женщина рядом выглядела иначе. Несмотря на то, что на ней были простые брюки и легкий свитер, несмотря на умеренный макияж и отсутствие лака на ногтях, распущенные до плеч волосы и полное отсутствие украшений, она умудрялась выглядеть настоящей дамой. Помню, я подумала, что не решилась бы обратиться к ней с вопросом при встрече где-нибудь в лифте. Возраст женщины определить было также непросто. Сначала казалось, что ей не больше сорока, но легкие морщинки вокруг губ и глаз, а главное, глубина и внимательность ее взгляда указывали на старший возраст.

Она неторопливо вынула из кожаного портмоне монетку и бросила в автомат. Машина блаженно прожевала монету, вздрогнула и зажужжала, послушно выполняя приказ. Через пару секунд она прилежно выдала мою шоколадку и пачку печенья, заказанного женщиной, а также сдачу. Я взглянула на мелочь и с удивлением обнаружила, что денег больше, чем полагалось получить. Женщина заразительно засмеялась.

– Просто у нас с ним, – она кивнула на металлического бандита, – особые отношения. Я думаю, если бы я постаралась, мы могли бы совместными усилиями обанкротить его компанию-хозяина.

Она забрала свое печенье и, приветливо улыбнувшись, вышла из столовой.

Я взяла себе кофе и отправилась наверх.

Работа кипела. Мы все размещались в одном большом зале, где отделы располагались по национальному, а точнее языковому признаку. Интересно было наблюдать за представителями разных стран. Норвежцев было не видно и не слышно, казалось, они лишь приходят на работу, тихонько отсиживают положенное время, и так же тихонько уходят. Голландцы отличались от норвежцев некоторой расслабленностью и большим количеством татуировок. В группе испанцев периодически возникал накал страстей, по причинам, известным только им. Самым жизнелюбивым отделом был итальянский, по иронии судьбы располагавшийся почти вплотную к нашим столам. Утро начиналось с того, что итальянцы долго и шумно занимали свои места, предварительно поприветствовав и поцеловав каждого из своих коллег. Затем волнение успокаивалось и можно было бы сосредоточиться на работе. Но в этот момент к итальянцам в гости заходила какая-нибудь Мария, недавно родившая ребёнка и пребывавшая в декретном отпуске. Минут пятнадцать отдел трубил в трубы и звенел шпагами, выражая свою любовь к чаду, восхищаясь младенцем и матерью, словно Евой, родившей своего первенца. Далее следовал такой же бурный ритуал прощания с непременными поцелуями. Снова небольшое затишье, пока кому-то в голову не приходила идея приготовить кофе на всю команду. Далее составлялся список какой кофе кому нравился, я успела заучить его наизусть. Минут через десять заказы были приготовлены и компания удалялась на перерыв. Потом она возвращалась обратно. После этого возникала экстренная необходимость провести совещание, соответственно переместиться в специальный зал. И так до конца дня, который завершался бурными прощаниями. Характерно, что немцы, примыкавшие к итальянскому отделу с другой стороны, в ответ на все эти безумства даже головы не поворачивали.

На этой неделе я практиковалась в выявлении интернет-мошенников. До поступления на эту работу я даже представить себе не могла, насколько пространство сети наводнено фальшивыми объявлениями, предложениями, именами несуществующих людей, ложными контактными данными. Аферисты не гнушались никакими методами, чтобы выманить деньги у доверчивых обывателей. Они предлагали купить айфоны, престижные машины, породистых щенков и котят по нереально низким ценам, рекламировали финансовые пирамиды, обещали устроиться на непыльную и высокооплачиваемую работу, любыми способами старались заманить в ловушку. Многие люди верили и откликались на эти предложения, переводили большие суммы денег на сомнительные счета для того, чтобы не увидеть больше ни денег, ни красавца-авто-

мобиля, ни милашку – домашнего питомца. Еще одной плодородной долиной для кидал были сайты знакомств. Одного такого проходимца я и пасла в настоящее время.

Зацепить его было нетрудно. Андреас дал мне список сайтов, на которых я зарегистрировалась под разными именами, приведя чужие данные и выложив фальшивые фотографии, соблюди правила, сказал он, и пройдоха конфеткой прикатится. Личные данные содержали привлекательную для обирал информацию и демонстрировали перспективу легкой наживы: женщина средних лет, в меру симпатичная, в меру образованная, в меру наивная, умеренного достатка, замужем не была и детей не имеет. Мечтает о семье, все еще склонна к романтическому восприятию действительности. Предполагалось, что такую рыбку шарлатанам легче было заглотить: уставшая от одиночества женщина, без особых склонностей к анализу ситуации, подсознательно стремится поверить в возможность появления в ее пресной и блеклой жизни сказочного принца – красивого, богатого, одаренного, ярко оперенного, который сумеет расцветить ее существование самыми радужными красками. Когда хочешь счастья, поверишь в любые небылицы. Конечно, наживку заглатывала одна рыбка из ста, работа у ребят была тяжелая – нужно было просеять много песка, прежде чем найти доходную круплицу. Но затея себя окупала.

«Ты даже не представляешь себе, как много на свете дураков», – написал мне однажды один из мошенников, которого я вычислила и пыталась пристыдить.

Итак, после того, как я разместила несколько страничек, оставалось только подождать. Конечно, писали и реально существующие люди. С некоторыми из них я перебрасывалась несколькими сообщениями, стараясь не обидеть отказом. Вскоре появился и Брэд.

Он прислал письмо, из которого следовало, что мы где-то раньше встречались. Я не знала что и думать, фотография ведь была не моя. Чего только не случается в жизни. Поэтому я ответила коротко, вежливо и неопределенно. Но, когда уже во втором сообщении начались комплименты моей неземной красоте, глазам, полным небесной синевы, и тому подобной чуши, я поняла, что рыбка тянет за леску рыбака. С фотографии мне улыбался чувственный ухоженный парень. Фотография к себе располагала так же, как располагала к себе фотография, выложенная мной самой. Брэд (ну прямо Питт!) рассказал, что живет в Нью-Йорке (круто!) и держит маленький магазинчик алмазов и бриллиантов (достойное занятие, хотя и некоторый перебор). Далее следовала довольно предсказуемая переписка. Страсть обжигающая и испепеляющая. Любовь, не знающая преград. Намеки на скорое бракосочетание. Я пунктуально отвечала на каждое письмо, проверяя почту несколько раз за день. Брэд, как и другие ему подобные, не особенно напрягался. Было заметно, что сообщения штампуются массово. Имя адресата ставилось наверху, чтобы можно было легко заменить, чуть ниже впечатывался текст. Правда, сочинял послания прирожденный романтик. Некоторые из этих сообщений я распечатывала на принтере и складывала в ящик стола на память.

«Милая Элис (для него я Элис)! Если бы ты только знала, что значит для меня встреча с тобой. Моя жизнь переменялась до неузнаваемости. Я снова почувствовал ее вкус и разглядел новые цвета. Нет, я ещё не определил время для отпуска (тут ошибка, я ни о чем таком не спрашивала, невнимательно, друг мой), но сделаю это в ближайшее время. И когда я тебя увижу, ты утонешь в моих объятиях.»

«Дорогая моя Элис! Ты даже не представляешь себе глубину моих чувств к тебе. Для человека, уже отчаявшегося встретить родственную душу, наше знакомство – шанс, который судьба даёт один раз в жизни (как там поётся, может два, а может три, но это не про нас). Красота и благородство души делают тебя единственной в мире, драгоценностью, которую я буду беречь всю жизнь, прижимая к своей груди.»

Сегодняшнюю почту я ждала с особым интересом. Ситуации пора бы начать развиваться. Кавалер уверял, что глубоко влюблен и жить не может без своего предмета обожания. Обещал скорую встречу. То, что он ни разу не поговорил с невестой ни по телефону, ни в скайпе, и

даже не попросил прислать ему больше фотографий, его, похоже, не смущало. Это было объяснимо – повышенная трудовая нагрузка, обилие респондентов, тут уж не до профессиональных тонкостей. Мне же напротив, была нужна вся возможная дополнительная информация. Фотографии я попросила и вскоре получила. На снимках был похожий мужчина, хотя с полной уверенностью утверждать, что это один и тот же человек было нельзя. Номер телефона мне тоже прислали, он был нью-йоркским, но постоянно находился вне зоны действия сети. Адрес также был подставным. Оставалось только понять, под каким именно предлогом будут вымогаться деньги. До сих пор жених вел себя галантно и обещал золотые горы. Однако, днем ранее он прислал необычно короткую записку о том, что у него возникли проблемы и он напишет мне завтра подробнее.

Я открыла почту.

«Дорогая, у меня случилась неприятность. Вчера ночью мой магазин ограбили. Вынесли почти все камни, которые были на витринах. Полиция начала расследование, но надежда не так велика».

Вот оно! – я уже вздохнула с облегчением. Но продолжение было следующим:

«Но ты не должна волноваться, моя любимая. Это никак не нарушит наши планы. Я уже подыскиваю билеты на Мальту и скоро буду у тебя. Не переживай, моя милая, я решу все проблемы, все будет просто отлично.»

Тоже мне, мачо, скривилась я. Наверное, нужно его немного подтолкнуть. И я ответила.

«Дорогой! Как же мне не волноваться? Голова кружится, когда я думаю о нас двоих. Может быть, я могу тебе чем-то помочь? Я не богата, но наше будущее так важно для меня! Скажи мне, что я могу сделать? Хочу быстрее быть с тобой».

Отправив письмо, я открыла следующее объявление. Эти ребята продавали BMW X5 2019 за пять тысяч евро. Действительно, нужно быть порядочным идиотом, чтобы поверить в подобное чудо. Но люди верили. Эти мошенники особо не церемонились. Здесь расчет строился не на качестве аферы, а на количестве в нее вовлеченных. Тексты были написаны на не слишком хорошем английском, с явным использованием онлайн переводчика. И почти всегда начинались одинаково.

«Я военный, который служит в Африке. Недавно умерла моя жена, и я не в силах больше видеть машину, которая ей принадлежала...»

Этих парней я знала уже хорошо. После нескольких отвлекающих писем дела якобы передавались транспортной компании, которая должна была доставить машину на Мальту. Компания, естественно, была подставная. Деньги за машину не требовалось переводить до получения, что несколько усыпляло бдительность, а вот доставку нужно было оплатить.

Эти же ребята, ничтоже сумняшеся, в другой группе объявлений предлагали купить редких экзотических обезьянок.

Так и проходил мой день. Задача заключалась в том, чтобы связаться с потенциальным продавцом, или ухажером, или представителем какой-нибудь сферы услуг, собрать о нем как можно больше информации и передать ее в отдел безопасности. Дальше не моя забота. Сначала это выглядело интересно, и я работала азартно, но со временем новизна ушла, и игра превратилась в рутину. К тому же угнетала бесполезность этой работы – мошенника блокировали, он тут же открывал новый аккаунт, я тоже писала ему с нового аккаунта, с некоторыми мы начали узнавать друг друга почти мгновенно и на этом раунд прекращался, я передавала его коллегам.

Словом, сегодня я уже с раздражением приняла заминку с женихом – ювелиром. Мне уже скучно было развивать эту тему, хотелось быстрее зафиксировать факт мошенничества и передать ухажера по назначению. А пока пришлось переключиться на покупку-продажу породистых котят.

Недели через две после отправки письма с описанием своего сна, я получила приглашение на встречу в лаборатории Нуландера. Я решила, что ничего не потеряю, если схожу, хотя бы больше узнаю о человеке, о котором столько говорят.

Его команда занимала половину первого этажа, и, как я узнала позже, значительную часть подвальных помещений. Солидная бронированная дверь отгораживала их территорию от любопытных взглядов. Нас встретила молодая девушка, говорившая с французским акцентом и приятной картавинкой, представившаяся как секретарь мистера Нуландера. Она провела нас в небольшую комнату, оборудованную под конференц-зал. На встречу было приглашено человек двенадцать – пятнадцать. Сам Пол Нуландер уже ждал за столом. Справа от него сидела женщина, в которой я с удивлением опознала незнакомку, сумевшую справиться с торговым автоматом. По-моему, она тоже меня узнала, во всяком случае улыбнулась тепло и искренне. Поскольку все собрались вовремя, сразу приступили к делу.

Сначала мы занесли наши данные в специальные бланки. Затем секретарь представила доктора Нуландера как главу физико-сомнологической лаборатории, перечислив его многочисленные регалии, а также миссис Амаду Нуландер, физиолога и, по совместительству, супругу вышеназванного господина. В лаборатории работают физики, физиолог, психолог, онейролог и технический персонал. Их деятельность спонсируют сразу несколько государственных и общественных организаций, поскольку руководитель лаборатории сумел заинтересовать своими исследованиями влиятельных ученых и бизнесменов. Задачей научной группы является комплексное исследование процесса сновидений, его физиологических и психологических особенностей.

Далее слово взял сам Пол Нуландер.

– Друзья, – сказал он, – я рад видеть вас сегодня в этом зале и очень надеюсь, что наше знакомство выльется в долговременное и плодотворное сотрудничество. Мы внимательно ознакомились с присланными нам письмами и рады отметить, что даже несколько удивлены тем, насколько интересными оказались ваши описания сновидений. Поскольку яркие и красочные сны обычно снятся творческим и неординарным личностям, мы верим в то, что вы откликнетесь на наше предложение поучаствовать в экспериментах, проводимых нашей лабораторией. Ввиду ограниченности наших ресурсов мы не обещаем большого финансового вознаграждения, хотя, безусловно, постараемся возместить затраченное время (похоже, мы обойдёмся лаборатории подешевле подопытных крыс, хихикнул кто-то в зале), но ожидаем также, что вы получите удовольствие от нашей совместной работы. Мы также надеемся, что ваши ряды будут пополняться новыми участниками. Итак, обсудить детали и получить для ознакомления контракты вы можете у мисс Элоди Тома, он кивнул в сторону секретаря. А затем вы получите индивидуальное расписание на следующие две недели.

Словом, выступление было довольно сухим, деловитым и кратким. Сам Нуландер по-прежнему выглядел обычным, ничем не выдающимся человеком, а вот его спокойный тихий голос и особенная мягкая манера выговаривать слова обладали некоторым гипнотическим эффектом, публика в зале расслабилась и заулыбалась.

Контракты на сотрудничество были самыми обычными. Мы обязуемся прилежно выполнять просьбы научных сотрудников, они обязуются создать нам комфортные условия, мы имеем права, они имеют права, мы даём своё согласие на участие в экспериментах в качестве подопытных кроликов, лаборатория не несёт ответственности... ну и все в таком духе.

В конце встречи я хотела подойти к Аманде Нуландер, но постеснялась. Контракт я подписала. Так все и началось.

В воскресенье мы всей семьей ходили смотреть «Энканто», а потом ели мороженое в кафе на набережной. Скоро заканчивался учебный год, нужно было бы получше подготовить детей к экзаменам, но Джанкарло предложил оставить их в покое на сегодня, тогда завтра их

головы будут работать плодотворнее. Успокаивая тем самым свою совесть, мы позволили себе полениться и понежиться, вечером прогулялись с Финном к морю, а на ужин купили готовую еду в ливанском кебабе. Перед сном я рассказывала Джанкарло о своей работе, о моих интернет-ухажерах, мы посмеялись, он дал несколько советов относительно текстов сообщений.

Мой алмазный магнат прорезался наутро и сообщил, что едет в Эфиопию закупать партию камней, взамен украденных. Из праздного любопытства я начала искать информацию о месторождениях алмазов в этой стране, а заодно почитала о стране и наткнулась на рассказ бывшего путешественника о нравах местного населения и отношении к туристам. Он писал, что население Эфиопии очень общительно и дружелюбно, всегда поспешит на помощь человеку, попавшему в беду. Вообще они умеют радоваться жизни. Я рассматривала фотографии людей, живущих в шалашах или в буквальном смысле в куче камней, торгующих кусками туалетной бумаги и всем, что попадает под руку, при этом у них были вполне счастливые, улыбчивые лица. Удивительно, как они умеют быть довольными жизнью, не имея ничего, в противовес нам, имеющим многое, но вечно неудовлетворенным. Впрочем, так же легко, непринужденно и весело они старались обобрать незадачливых чужаков, имевших неосторожность подвернуться им под руку. Например, такой трюк – родственники выбирают одного камикадзе, который бросается под колеса вашей машины. И всю оставшуюся жизнь вы выплачиваете компенсацию ему, или его семье. Иначе отправляетесь в местную тюрьму на неопределенный срок, а в местных тюрьмах, как вы понимаете, нет телевизоров и кондиционеров. Можете хоть покрывало жевать, хоть скрести по стенке кровавыми ногтями. И по барабану насколько профессионален и дорог твой адвокат – если ты белокожий, плати. Так что, дорогой Брэд (ну прямо Питт), склонность к мошенничеству у тебя в крови. Я сообразила, что конец истории близок, поскольку якобы поездкой в Эфиопию можно было бы оправдать перевод денег именно в эту страну. Ах, да! Сразу по завершении сделки жених примчится ко мне для заключения законного брака.

Пришлось напрячься и придумать достойный ответ со вздохами, клятвами и заверениями в бесконечной любви.

А затем я переключилась на курсы иностранных языков с фальшивой страницей.

Мне снится, что мы с сыном идём по пляжу по самой кромке моря. Никого кроме нас на берегу нет. День тёплый и ясный, море мирное и ласковое. Вдруг я замечаю, что под ногами у нас что-то блестит. Это рыбка, ее выбросило приливом. Она необыкновенной красоты, переливается разными цветами: красным, голубым, зелёным. Мы наклоняемся, чтобы лучше ее рассмотреть и видим, что она сделана из стекла, но сделана искусно, совсем как настоящая. Вопреки здравому смыслу мой сын опускает ее в воду. И, о чудо, она оживает. Плавно взмахнув плавниками, медленно уплывает и уходит в глубину. Мы идём дальше и видим ещё одну рыбку. Потом ещё одну и ещё. Все они невероятно красивы и все бездвижны. Но оживают, как только попадают в родную стихию. Скоро уже вся прибрежная полоса усыпана стеклянными телами. Большие, маленькие, разной формы, разных цветов, они ждут своей очереди. Мы принимаемся за работу, поднимаем, отмываем от песка и отпускаем на свободу. Я чувствую скользкие чешуйки у себя под рукой, специфический запах живой рыбы, их глаза тускло смотрят прямо на меня. Это длится долго. Мы почти справились с задачей. Остались лишь несколько мелких рыбёшек. И тут море окрашивается в такие глубокие цвета, которые только можно себе вообразить.

Оно сверкает, блещет, мерцает, даже воздух над водой становится радужным. Мы стоим молча и наблюдаем это великолепие.

Через два дня меня попросили зайти в лабораторию, чтобы сделать кардиограмму и сдать кровь. Пока я ждала в приёмной, смогла подслушать обрывки разговора, доносящиеся из приоткрытой двери кабинета напротив.

– Я в детстве летал во сне. Это как на санках с горы зимой. Какое-то падение в этом было. Вокруг говорили, когда летаешь – растёшь. Может быть. Я скорее с этим согласен. А ещё более взрослые эпизоды полетов... это как будто по моей воле. Ощущение парения и немогущества, а умения в этом.

– Я не летаю, а шагаю над землей, руками точно не размахиваю. Шагаю широко...

– Я летаю систематически. Самое трудное – взлететь. Нужно концентрировать внимание, энергию... И поднимаешься. А потом уже легко. Я летаю примитивно: ноги вместе, руки в стороны самолетиком.

– Так вот, подъемная сила в верхней части груди. Напоминает глубокий вдох и... полетел. Руки в полёте не важны, но если хочется больших ощущений, то можно и расправить. А вот голова важна. Стоит только подумать, что это невозможно, то ничего и не получится. Но стоит подумать, что ничего невозможного нет, то летай на здоровье, наслаждайся, раскинув руки, пока вдоха хватит. Только вот поверить не очень получается, только начинаешь взлетать и... «нет, невозможно!». И сразу как в масле, воздух становится вязким, подниматься все труднее и труднее, и, в конце концов, опускаешься.

– Обычно я нахожусь в какой-то комнате или в большом зале с высокими потолками. Там есть люди, знакомые или незнакомые, ходят, разговаривают. Мебели мало, по углам. Я просто высоко подпрыгиваю, очень легко, отталкиваюсь ногой от стены, как в паркуре, и летаю под потолком, свободно так. Иногда отталкиваюсь от стен. Ощущение, что это очень просто и естественно для меня. Удивление, почему другие так не могут. Летаю подолгу, могу переворачиваться как в воде, наблюдаю сверху за людьми. Состояние в этот момент потрясающее. Когда просыпаюсь, всегда удивление, что в реальности так не получается, это же так просто! Раньше снились полеты над землей на уровне проводов, просто передвигалась стоя, руки опущены вдоль тела. Сейчас таких снов нет, а вот в комнате летаю. Ещё такой нюанс – стены всегда бетонные, без обоев и покрытий, ровные.

– Я летаю во сне редко. Всегда начинается все с крутого пике вниз и испуга. Я не люблю высоту без опоры и боюсь ее. Ну, есть такая фобия. Собственно летать, мне кажется, я начинаю только после выхода из пике. Мне почти никогда это не нравится. Как-то раз я постарался осмыслить этот процесс и понять, что вижу вокруг. Рай хотел увидеть, наверное, ангелов. Эдвард прав, тут все и закончилось.

Я их слушала, и вспоминала свой сон.

Они окружили меня со всех сторон. Замкнули круг.

Мне удалось закрыться в комнате, но это лишь минутная отсрочка, ветхая дверь не выдержит малейшего напора. Комната маленькая и под самым потолком окно, за которым виден пейзаж с заснеженными соснами и белоснежными, нетронутыми городской гарью сугробами. Оно открыто, но расположено недостижимо высоко и нет ничего похожего на лестницу или подставку.

Меня накрывает ужас первобытного человека, оказавшегося перед разъярённой толпой иноплеменников. Даже мой собственный запах изменился, теперь я пахну резкой смесью пота, ацетона, аниса и ещё чем-то кислым, что и называют запахом страха.

Все происходит замедленно, время растянулось и повисло в пространстве, как дряхлая рыболовная сеть. Даже поворот головы превращается в развёрнутое действие.

Один из преследователей за дверью насвистывает легкомысленную мелодию, и я силюсь вспомнить ее название вместо того, чтобы искать пути отступления.

Я не верю в свою удачу, я не смогу...

Раздаётся первый удар.

Тогда я зажмуриваю глаза и раскидываю в стороны руки. Здесь так тесно, что я касаюсь пальцами одной руки шершавой стены, а пальцами другой – старого громоздкого платяного шкафа. Мне не хватит пространства для разбега и сил для толчка. Тело отказывается повиноваться остаткам разума.

Дверь валится под напором буйной толпы. Грубые грязные руки тянутся к моему платью, стремясь ухватить меня за рукав.

Тогда я перестаю думать, я просто делаю это. Приседаю, отталкиваюсь изо всех сил от пола, подпрыгиваю и начинаю работать руками. Воздух вязкий и густой, ощущение, что ты плаваешь как мелкая рыбешка в аквариуме, наполненном оливковым маслом. Или как большая больная птица, из последних сил выбирающаяся из придорожной грязи. Мне удаётся оторваться от земли, и я медленно поднимаюсь вверх. Они ещё пытаются ухватить меня за ноги, но главное сделано, теперь мне легче, я стряхиваю их руки и выскальзываю в окно.

Теперь нужно набрать высоту, чтобы увернуться от попадания камней и комьев снега.

Летать совсем не просто. Приходится сильно напрягать мышцы, руки начинают болеть через несколько минут полёта. Человек не приспособлен двигаться в воздушных волнах, наш удел земля и трава под ногами, да и крыльев у нас нет. Нам не подняться к высшим слоям атмосферы, тела наши слишком громоздки и неуклюжи. И все же я стараюсь изо всех сил. Полметра, ещё метр...

Поднявшись выше, я оглядываюсь. Они все ещё не оставляют надежды, что я рухну вниз, ждут, запрокинув головы и прикрывая глаза от солнца. Переговариваются, наверное, обсуждают направление моего полёта, чтобы послать кого-нибудь вдогонку.

Но я уже недосыгаема. Я поднимаюсь над верхушками высоченных сосен и медленно и тяжело лечу прочь.

Я снова прислушалась к голосам.

– А вдруг мы можем все-таки летать?

– С балкона, спяну!

– Может это воспоминания о давних временах?

– Хмм... значит, мы все во сне летаем? Кстати, у меня есть версия, что, когда наше физическое тело спит, душа улетает туда, где живут наши умершие родственники и мы там с ними общаемся. А мозгу нашему, чтобы он не мешал, показывают сны. Ладно, профессор, давайте заканчивать. Мне уже пора. У меня сегодня ночная смена. Пойду пообщаюсь с родственниками и, если удастся, полетаю.

Задвигались стулья, разномастная компания человек из двенадцати вывалилась из кабинета. Последним вышел пожилой седобородый мужчина с папками под мышкой.

– Это наш психолог, профессор Чарлз Велла, – раздался голос у меня за спиной. Аманда Нуландер доброжелательно улыбалась, приглашая зайти на процедуры.

– Любопытное обсуждение, – заметила я.

– То ли ещё будет. Все самое интересное впереди.

Она умело засучила мой рукав, перетянула руку жгутом и приготовила шприц.

– Давай на ты? – предложила она. – Самое интересное сейчас вызревает на нижнем ярусе. Мы потом туда заглянем.

Комната была по-женски уютная, даже пара цветущих растений угнездилась на окне. Большой стол с грудой книг и бумаг, компьютер, какие-то неизвестные мне приборы и приспособления. Большие старинные часы, тихонько дробящие время на секунды. Фотографии и постеры, обильно развешанные по стенам. В центре располагалось изображение кудрявоголового и бородатого красавца явно греческого происхождения, выше висков у него находились небольшие крылышки.

– Это – Морфей, – пояснила хозяйка. – Иногда его изображают взрослым мужчиной, умудрённым опытом, а иногда легкомысленным отроком.

Продолжая совершать свои манипуляции, она указала на другое изображение, красивый юноша со сложенными за спиной крыльями спал на усыпанном цветами ложе.

– Морфей – сын Гипноса и Аглаи. Сам Гипнос – бог сна и сновидений, а брат-близнец его, заметь, сам Танатос. В отличие от кровожадного брата Гипнос довольно мягок, незлобив и, честно говоря, немного ленив. Каждую ночь он летает над землей, проливая на неё из рога снотворный напиток, люди благодарны ему за это, ведь хотя бы на время они могут отрешиться от бед и забот. В остальное время он покоится, окружённый сонмом грёз, в своей пещере. У него целый выводок потомков, но мы выделяем трёх его сыновей: Морфея, посылающего сновидения, передающего через сновидения послания богов, Фобетора, насылающего кошмары, знакомо же тебе слово фобия? И Фантасоса, создающего иллюзии, похожие на реальность. Всех братьев звали Онейри, по-гречески это означает мечты или сны. Морфей может принимать любую форму и примерять на себя внешность любого человека. Атрибутика его: чёрный цвет и цветок мака. Иногда у него в руках сосуд с напитком из сока дикого мака, иногда на голове венок из маковых цветов. Греки очень чтили этого бога, ведь ему подвластны были не только люди, но и боги, даже верховные. Ссориться с ним было себе дороже, ведь человек треть жизни своей проводит в состоянии сна. А это лет двадцать, а то и тридцать, смотря сколько проживешь. Да и с потусторонним миром он был связан кровными узами. А ещё одним его символом являются двустворчатые ворота, одна их часть из слоновой кости, через неё проникают лживые, обманные сны, а другая – роговая – для снов правдивых.

В кабинет заглянула молоденькая брюнетка, и Аманда поманила ее рукой, продолжая объяснять значения образов и имена демонов и богов, украшавших стену.

– Это – Нидра Дэви – индийская богиня сна, Бэс и Бэст – египетские хранители снов, Дрёма – богиня славян, Ченом правит на Тибете. Японский монстр Баку со слоновьим хоботом питается дурными сновидениями, а взамен насылает спокойные и добрые. Вот эти страшилы – На-Хаг и Инхабулос насылают кошмары.

Двое последних были настолько уродливы, что один взгляд на них не дал бы никому уснуть. От всего этого обилия лиц богов, богинь и демонов у меня начала кружиться голова.

– Это – Гути, – Аманда неожиданно переключилась со своего рассказа и представила мне девушку. – Она приехала из Афганистана и ухаживает за пожилыми людьми. У неё особый талант, она в снах посещает параллельные миры. А это Элинора, она видит сны-истории, с завязкой, развязкой, сюжетом.

Она замерила мне давление, процедуры были завершены.

– А не перекусить ли нам в столовой? Только сначала предупредим Пола.

Мы спустились на этаж ниже и подошли к помещению, в центре которого стоял громоздкий аппарат, похожий на томограф. Стерильная чистота, какие-то непонятные приборы на столах и полках. Едва уловимый гул давал понять, что машина работает. Рядом с ней возились Пол Нуландер и индеец средних лет с выразительными глазами и вызывающе пухлыми губами, одетый в джинсы и белый лабораторный халат. Аманда некоторое время заглядывала в дверной проем, пытаясь привлечь внимание, но мужчины были слишком сосредоточены на работе и явно чем-то озабочены.

– Ну что же, не лучшее время, физики вам не лирики, они не болтают, а занимаются делом, – хихикнула Аманда. – Давайте, девочки, дождемся более благоприятного момента.

Мы отправились в столовую.

Но здесь самое время отступить от сюжетной линии и рассказать историю Гути, которую она поведала мне позже, когда мы стали подругами. И история эта совсем не веселая.

Гути маленькая и юркая, как ящерка. Ее имя означает «бутон» – нежный, трепетный и ранимый.

Она выросла в интеллигентной и довольно богатой по афганским меркам семье. Отец, дед и прадед были потомственными врачами, известными, уважаемыми людьми, преподавали в кабульском медицинском университете. Гути не была родным ребёнком, просто у ее приемных родителей подряд родились шестеро мальчиков, а матери очень хотелось иметь дочку, они ее и купили за шестьсот долларов у бедной женщины из той же деревни, где находился их родовой дом. Та после смерти мужа не могла прокормить своих детей, и сама предложила им забрать девочку. На тот момент Гути было восемь месяцев. Когда она бывала в деревне, иногда встречала свою родную мать и братьев с сёстрами, даже передавала гостинцы от родителей, но по-настоящему они не общались, и она искренне считала своей семьей ту, в которой выросла. Жили они иногда в квартире в Кабуле, иногда в деревне в настоящем каменном доме, не чета соседским глиняным мазанкам. Гути купалась в любви, всегда чувствовала себя под защитой братьев, репутация семьи не давала никому возможности даже косо посмотреть в ее сторону. Больше всего в детстве она любила сидеть на коленях у бабушки и слушать ее истории. Бабушка ещё помнила времена, когда по улицам городов ходили женщины в модных платьях, с красивыми прическами, в туфлях на каблуках. Лица женщин на старых фотографиях, которые бабушка тщательно прятала в числе самых дорогих ценностей и украшений, были словно из другого мира, светились улыбками, беззаботными, полными эмоций. Эти женщины могли изучать искусства и философию, ходили на концерты и ездили в путешествия, могли высказывать своё мнение, не опасаясь получить удар камнем по голове. Жизнь, конечно, нельзя было назвать легкой, но люди надеялись на лучшее будущее. Все изменилось одномоментно, когда к власти пришли талибы. Красивые лица были скрыты под бурками, началась эпоха запретов и репрессий. Затем была многолетняя война, страна страдала и истощалась, голодала, но все ещё не теряла надежды, власть снова поменялась, меняя и жизнь населения, ситуация временно улучшилась. Двадцать лет затишья, омрачаемые непрекращающимися боевыми действиями. Все детство Гути прошло в обстановке нестабильности и неопределенности, хотя лично для неё все эти заботы были где-то неподалёку, но все же не рядом, все члены семьи любимицу оберегали, как могли. Повзрослев, девушка решила поддержать семейную традицию и выучилась на медицинском факультете, получив в больнице должность хирургической сестры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.